

жет. Кто за Казачество, за лучшую долю его, тот за вольных казаков.

Кто за то, чтобы казачество снова попало в кабалу, чтобы оно стало на путь служения чужому царю, чтобы держать его на троне помимо желания его народа, кто за то, чтобы казаки, как милостыней пользовались крохами своих исконных прав, или кто за то, чтобы Казачество совсем исчезло, как „исторический пережиток“, тот пусть идет за атаманами, за легитимистами, за миллеровцами и прочими, т. е. за теми, кто на несчастье Казачества желает сделать личное дело, карьеру, нахватать орденов, чинов и прочих благ... Мы, вольные казаки, зовем вас, братцы, стать под свое казачье знамя, чтобы „в час невзгоды честь свободы“ отстаивали мы.

Станичники, не надо связывать судьбу эмиграции казачьей и русской. Русские, в результате социальной революции, выброшены своим народом за борт и их

удел — не наш удел. Мы — другое дело. Мы в результате военного поражения вытеснены из пределов нашей родины чуждым завоевателем, мы ушли организованным народом. Мы поголовно ушли бы, если бы была возможность. Вспомните, как и в каком виде выступил калмыцкий народ с нами. Ведь только плен, истощение средств передвижения, грязь, голод, болезни и море остановили их... Так ушли сербы перед нашествием немцев, так уходили и бельгийцы. Мы, как и эти народы, вернемся в свои земли и нас, наши там оставшиеся, с нетерпением ждут...

И пусть русские на нас не обижаются; долго они нами пользовались и теперь, когда они сами зажгли пожар, то должны мы с вою хату пытаться отстоять.

Итак, теснее смыкайтесь, братцы, в единую семью, вокруг спасительного знамени казачьей свободы — Вольного Казачества!..

П. Зрянин. (Югославия).

С. Балыков.

Изощрения недругов В. К-ва.

Известно всем, что во всех видах борьбы человека с человеком одним из излюбленных и действительных средств считается разрушение у противника его орудия борьбы.

В нашей идеологической борьбе главным нашим оружием является печатное слово. Нашим правдивым и искренним словом, нашим притягательным лозунгом мы все шире и глубже проникаем в сердцевину казачьей народной массы, над которой, как черный ворон, начинало уже витать гибельное неверие и падение духа.

Всех оттенков враги наши, не имея с чем идти к казачьему сердцу, тщетно борясь с нами, поочередно падают и умолкают, ибо на поле печатной пропаганды нет у них равноценного с нашим оружием — правды.

Покуда у нас были враги, которые на нашу пропаганду идеи свободы и самостоятельности пытались противопоставить свою идею подчинения Казачества соседу, нам не о чем было беспокоиться, так как неумелый враг своими действиями только усиливал нашу позицию.

Но, как во время войн улучшаются, совершенствуются всевозможные орудия истребления человека, так и здесь — в ходе словесно-печатной борьбы — враги изощряются в средствах.

На смену развитым нами противникам выплывают новые, с новыми методами борьбы.

Так напр., на смену умолкнувшим Богаевско-Мельниковым, Харламово-Сидориним и на помощь выдыхающим Науменко-Соламахиным, выплывает на сцену шутливый, на первый взгляд глупо хулиганствующий „Казачий Набат“, достойное дитя своего родителя...

Идея его, как и у первых наших врагов, убога: казакам быть рабами, опричниками, янычарами у дома Романовых (если он займет обратно трон) и получать от него право на существование и полузавладение своим добром, если от них, казаков, и от него, добра, что останется после большевистских опытов и последующих платежей по революции для восстановления единой и неделимой.

Если бы эта идея проповедывалась просто и открыто, т. е. прямо противопоставлялась нашей, то и тут нам не стоило бы обращать внимания на этого комара, вылетевшего из гнойного навоза, так как идея абсолютного и рабского подчинения народа одной личности никогда не пользовалась сочувствием здоровой народной массы, подбирая лишь услужливых, безпринципных „карьеристов“ из худшей части человеческого общества, независимо от образования и положения.

Но „Казачий Набат“, по своему внутреннему содержанию (по составу сотрудников) бедный, пустой и ничтожный, ведет борьбу иными путями и средствами, на которые надо обратить внимание. Многие из вольных казаков считают Чапчикова просто дурачком и недостойным внимания, но я с этим не согласен. Чапчиков, хотя часто и производит такое впечатление, но не такой уж дурачок и знает, что делает.

Так напр., зная свое полное бессилие в борьбе с вольноказачьей идеей, он избрал мишенью своих наسمешек в хулиганских фельетонах и лживых сообщениях только работоспособный центр, а главным образом руководителя и редактора, потому, что „он видит, что Билий способен что-то делать“ (слова Чапчикова. СБ).

Но самое интересное не это, ибо в попытках опорочить и загрязнить нас, людей работающих при центре не отстает и Соламахин. Большого ума, видимо, это не требует.

Я прошу вольных казаков обратить внимание на следующее: Зачем Чапчиков заполняет страницы своей маленькой, ежемесячной листовки сплошной и заведомой ложью?.. Чего он желает этим достичь?.. Ведь для всякого ясно, что печатание лжи, суть которой через несколько времени выяснится, прежде всего вредит этому же печатному органу...

А вот тут и практикуется старый прием борьбы: порча орудия борьбы у противника, в данном случае — желание обесценить печатное слово в эмиграции, уменьшить влияние печати на эмиграционную массу, в том числе и главным образом ослабить влияние „ВК“ на казачью массу. Принцип такой: перестанут верить мне, но, может быть, и вам.

Недоумевать тут нечего. Дело в некоторых случаях может быть так: прочтет казак раз Чапчиковские брехни, сперва они забавными покажутся, а кто и просто поверит, потом увидит, что все это было ложью; потом прочтет еще номер с новыми измышлениями, а потом все это лгание опровергает, а какой нибудь экспансивный и крикнет в сердцах: — А ну вас... все они брешут и морочат нам голову!..

И опять загрузит опустевшая казачья душа и начнет сильнее грызть его тоска по родине... Если это произойдет хоть с десятком казаков, цель „КН“ будет достигнута.

Развращение казачьей печати в эмиграции — вот, по моему, единственная задача Чапчикова, откуда то, от кого то ее получившего.

Сюда нужно прибавить те мифические „500 кр“, которые, якобы, пожертвовали несколько казаков в одной „деревне“ после его доклада, и те 10 000 крон, которые ему, будто, пожертвовали какие то чехи, то картина получается довольно мрачная.

Казаки, в одиночку работающие по чешскими сельским хозяевам, так плохо живут и получают такое мизерное жалованье (100-200 к.), что о жертве пятью казаками 500 кр. может говорить только большой циник. Принимая во внимание бережливость чехов, большую безработицу в стране и охлаждение всех слоев населения к „русскому эмигрантскому делу“, особенно к монархическому, не приходится сомневаться и о тех 10 000 кронах...

Смотрите, казаки, читайте, разумеайте и не забывайте — кто к чему зовет и где — ваш интерес.